

УДК 327.7

ОТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ К ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЙ: К ПОСТАНОВКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ¹

Кузнецов Д. А.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.*

E-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru.

В рамках науки о международных отношениях, мировой политики и мирового комплексного регионоведения уже накоплен значительный опыт теоретического осмысления региональной интеграции. Однако в современном мире в условиях активного развития трансрегиональных связей различного типа возникает вопрос: является ли региональная интеграция и трансрегионализм явлениями одного типа, либо различного, и, в зависимости от этого, как изучать трансрегионализм, и могут ли для этой цели использоваться наработки теории интеграции? В данной статье предпринимается попытка ответить на эти вопросы, а также формулируются новые теоретические проблемы, решение которых важно для дальнейшего осмысления трансрегиональных взаимосвязей в рамках современной мировой политической системы. В частности, автор предлагает определения «региональной интеграции» и «трансрегионализма», основанные на схожем понимании данных явлений, а также с опорой на новейшие теоретические наработки по данной проблематике в научной литературе. Автор раскрывает типы трансрегиональной интеграции, соотносит процессы интеграции и трансрегионализации, а также анализирует функции и эффекты региональной и трансрегиональной интеграции.

Ключевые слова: региональная интеграция, трансрегионализм, глобализация, теория интеграции, теория международных отношений, международный регион, мировая политика.

Изучение региональной интеграции, регионализации и регионализма представляет собой весомый кластер исследований в рамках науки о международных отношениях, мировой политики и мирового комплексного регионоведения.

Цель настоящей статьи – осветить и расширить экспертную дискуссию о характере рассматриваемых явлений, предложить авторский взгляд на развитие трансрегионализма.

Феномен интеграции нашел отражение в работах теоретиков общественных наук, принадлежащих к различным и порой противоборствующим школам и направлениям. Однако, несмотря на все различие подходов к феномену, среди

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31053 «Мегатренды мировой политики в XXI веке: сферы проявления и развития»

исследователей сложился консенсус относительно того, что интеграция стала неотъемлемой частью современного мирового развития наряду с другими мегатрендами, определяющими основные траектории мирового развития на современном этапе – прежде всего, глобализацией и демократизацией [1], а также другими тенденциями, оказывающими значительное влияние на развитие современной мировой политической системы, такими как регионализация, модернизация [2, С. 9], интернационализация, полицентризация мира, «ориентализация» [3, С. 26] и другие.

Необходимо отметить, что ни к одному из этих явлений на сегодняшний день не сложилось единого подхода, несмотря на то, что в науке накоплен значительный опыт их исследований, сходящихся, тем не менее, в том, что эти процессы носят взаимозависимый характер. Отсутствует и консенсус относительно феномена трансрегионализма, который занял промежуточный уровень между региональным и глобальным этапами международного взаимодействия. Если теория интеграции развивается уже более полувека, то научный подход к исследованию феномена трансрегионализма еще только находится в стадии становления [4]. В настоящее время трансрегиональное сотрудничество лишь набирает обороты, а в рамках мировой системы уже созданы или находятся на стадии проектирования множество трансрегиональных объединений: БРИКС, МИКТА, Инициатива пояса и пути, Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство и многие другие.

Из научной проблемы определения сущности «интеграции» и «трансрегионализма», а также новизны последнего, возникают и другие, методологические вопросы: как трансрегионализм соотносится с глобализацией и интеграцией? Можно ли выделить трансрегионализм в качестве уникального феномена международной жизни, или он является частным проявлением других мегатрендов и, прежде всего, интеграции? Наконец, могут ли уже разработанные теории интеграции и нового регионализма быть применены для объяснения трансрегионального сотрудничества?

Так или иначе, интеграция и трансрегионализм тесно связаны с феноменом «регионального» в мировой политике, а именно возвышением роли регионов в международных отношениях. Известный исследователь и теоретик Бьерн Хеттне полагает, что регион становится самостоятельным актором в мировых процессах, а регионализм оказывает решающее воздействие на формирование и функционирование мирового порядка [5]. В качестве рабочего определения региона в настоящей работе выступает определение, предложенное А. Д. Воскресенским: «Регион – определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию» [6].

В широком смысле, международная интеграция понимается как мегатренд современной мировой политики, который в обязательном порядке предусматривает заключение межгосударственных соглашений. Интуитивно понятно и то, что интеграция имеет региональные рамки, а в настоящее время вырвалась из географических рамок и охватила в ряде случаев масштабные трансрегиональные пространства – то есть стала способна объединять регионы не географического, а функционального типа. В литературе можно встретить множество определений интеграции. Сам термин «интеграция» был заимствован из естественных наук и происходит от латинского корня “*integr*” (целый, единый) и слова “*integratio*” (восстановление частей в единое целое) [7].

Активные споры об определении термина «интеграция» велись в рамках основных теоретических подходов. Экономические теории рассматривают интеграцию как процесс сращивания рынков и формирование некоего нового макрорынка в региональном масштабе [8, С. 482]. Необходимо заметить, однако, что множество интеграционных групп давно вышли за рамки экономического взаимодействия, и хотя оно и остается стержнем взаимодействия, очевидно, что интеграция должна трактоваться значительно шире. Швейцарский экономист Вильгельм Репке использует широкий подход к пониманию интеграции как «сближение и рост взаимозависимости на межгосударственном уровне» [9]. Такой подход, хоть и претендует на универсализм, может привести к путанице, так как в значительной мере перекликается с термином «регионализация» и даже «глобализация», но не может быть синонимичным им. Очевидно и то, что такое широкое определение не отражает специфики и сути феномена.

Основоположник неофункционализма Эрнст Хаас определял интеграцию как политический феномен, «процесс, посредством которого политические акторы, принадлежащие к разным национальным системам, осознают необходимость делегировать свою лояльность и часть политических функций новому центру, институты которого обладают определенной юрисдикцией над относящимися к нему национальными государствами» [10]. В таком подходе отражен и факт взаимодействия, который является основополагающим в изучении политических процессов, и явление синергии как результата такого взаимодействия в виде оформления новых форм и институтов сотрудничества. Тем не менее, «новый центр» (другими словами, центр наднациональный) не всегда является ни *condicio sine qua non*, ни целью интегрирующихся государств. Так, например, в отличие от Европейского союза, в регионах Юго-Восточной Азии или Латинской Америки получила развитие межгосударственная модель интеграции, которая, в основе своей, исключает делегирование реальных полномочий на наднациональный уровень.

В других работах интеграция определяется как «модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира» [11, С. 15–17] и выделяются такие ее признаки как: игра с положительной суммой, выделение (обособление) из остального мира, сознательный и добровольный процесс, охват внутренней и внешней политики, а также других сфер общественной жизни, общие нормы, представление об общей судьбе участников интеграции [11,

С. 18]. Таким образом, интеграция есть результат осознания государствами необходимости институционализации сотрудничества для максимального использования преимуществ глобализации. Как отмечает российский исследователь в области сравнительной интеграции А. А. Байков, интеграция связана одновременно с «объединением ресурсов и борьбой за лидерство» и «с добровольным ограничением свободы действий государств посредством “уз” преференциального сотрудничества» [12, С. 6].

Французский политолог Оливьер Дабене определяет интеграцию как «исторический процесс формирования регионов через углубление взаимодействия между политическими акторами (внутригосударственного, национального или транснационального уровня), обусловленное общими идеями, целями и найденными в результате консенсуса методами их достижения» [13]. Такое определение представляется одним из наиболее удачных, поскольку отражает динамику процесса, его суть и основы, подчеркивает сложный характер взаимодействия между акторами различного уровня, а также представляет собой попытку отражения в нем явлений «регионализации» и «регионализма». Таким образом, в интеграции, в ее классическом понимании, традиционно рассматривался региональный компонент, «региональное» как нечто, приобретающее объективный характер в мировой политике XX и XXI веков.

Не меньше споров вызывают и понятия «регионализм» и «регионализация», которые важно разграничить в целях попытки дать определение понятию «региональная интеграция». Под «регионализацией» нужно понимать объективное укрепление (обычно экономическое) взаимозависимости в рамках определенного географического пространства, обычно движимое негосударственными акторами «снизу вверх» [14]. Под «регионализмом», в свою очередь, понимается политика государств («сверху вниз»), направленная на сотрудничество и координацию с другими акторами на определенном географическом пространстве [14].

Учитывая сложный характер взаимообусловленности этих процессов, **понятие региональной интеграции должно отражать, как минимум, следующие характеристики:** 1) интеграция базируется на активном взаимодействии акторов и носит динамичный и конструктивный характер; 2) двигателями интеграции выступают не только государства (хотя они и являются ее основными акторами), но и негосударственные акторы; 3) региональная интеграция является мегатрендом, т.е. вписана в мировую систему и является ответом на процессы глобализации; 4) интеграция подразумевает создание/укрепление институтов взаимодействия, т.е. характеризуется институционализацией сотрудничества, заключающейся в заключении соглашений, договоров, создании новых норм, органов, структур, проектов и т.д.; 5) на современном этапе интеграция не столько приводит к уничтожению национального государства, сколько является продуктом добровольного волеизъявления суверенных государств и синергией их взаимодействия. Тем не менее, интеграция постепенно размывает суверенитет классического вестфальского государства.

Исходя из этого, в качестве рабочего определения интеграции может рассматриваться следующее: **(региональная) интеграция – процесс укрепления**

сплоченности и взаимозависимости посредством институционализации сотрудничества на межгосударственном или наднациональном уровне в различных областях и в интересах как государственных, так и негосударственных акторов, протекающий в рамках отдельной подсистемы международных отношений. Таким образом, реальная региональная интеграция возникает тогда, когда в регионе совпадают и протекают, параллельно усиливая друг друга, процессы регионализации и регионализма. В тех регионах, где реальный масштаб регионализации, то есть уровня взаимозависимости, опаздывает за темпами регионализма, то есть целенаправленной политики государств по формированию региона, наблюдается торможение интеграции, которая постоянно сталкивается с нарастающими дезинтеграционными импульсами, будучи не подкрепленной реальным взаимодействием на разных уровнях.

Как было сказано выше, интеграция не может рассматриваться исключительно как экономическое явление, хотя часто зарождается и стимулируется в торгово-экономической сфере. При этом, безусловно, интеграция требует принятия политических решений, поиска политического консенсуса участников интеграционного процесса и согласования форматов, «границ» и треков интеграции, что говорит об интеграции и как о политическом процессе.

В последнее время внимание исследователей приковано к еще одному феномену международной жизни – **трансрегионализму**. Если региональная интеграция ограничивалась региональными рамками, то в настоящее время в орбиту трансрегиональной интеграции включаются как целые региональные объединения (например, сотрудничество ЕС и АСЕАН или ЕС и Канада [СЕТА]), так и отдельные государства, являющиеся представителями различных регионов (например, БРИКС, МИКТА, ИБСА). В более сложных трансрегиональных проектах задействованы одновременно отдельные государства, региональные объединения и группы государств, не объединенные в те или иные региональные объединения – например, в рамках Инициативы пояса и пути.

Независимо от того, является ли регионализация и глобализация однонаправленными или разнонаправленными процессами, представляется, что трансрегионализм выступает именно как форма глобализации. Вопрос «имеет ли трансрегионализм деструктивный потенциал для глобализации?» остается открытым. С одной стороны, процесс может рассматриваться как новая ступень глобализации, охватывая все более обширные пространства, вовлекая все более широкий круг акторов, с другой, уже существующие проекты западного трансрегионализма (Транстихоокеанское партнерство, Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство) и незападного (БРИКС, Инициатива пояса и пути и его сопряжения с ЕАЭС) свидетельствует о разном понимании будущих треков мирового развития. Таким образом, трансрегионализм продвигает разные и сложно совместимые модели международного сотрудничества, обладающие потенциалом жесткой конкуренции в рамках глобального управления.

Региональная интеграция уже рассматривалась как элемент формирования системы регионального управления, при этом трансрегиональная интеграция может рассматриваться как элемент системы глобального управления. М. М. Лебедева

выделяет несколько характеристик современной системы глобального управления, которые соотносятся и с феноменом трансрегионализма; среди них – использование переговорных механизмов, многоуровневость (что соответствует включению в данные процессы различного уровня), развитие международного диалога, интерактивность (то есть активное взаимодействие и формирование дискурса о будущих трендах мировой системы), постепенность с использованием зон ближайшего развития (что отражается в трансрегионализме как глобализация по выбору), сетевое взаимодействие (манифестацией чего и является сложный характер трансрегионального взаимодействия) [1].

Трансрегиональная интеграция позволяет государствам:

1. реализовывать свои глобальные амбиции и ресурсы, влияя на формирование глобальной повестки дня (например, страны БРИКС);
2. преодолевать региональные ограничители роста (Китай, Бразилия или Россия в БРИКС);
3. блокироваться с более влиятельными государствами, приобретая собственный вес (ЮАР в БРИКС, Мексика или Сингапур в ТТП);
4. формировать союзы государств со схожими проблемами модернизации, со схожими взглядами на развитие мировой системы или треков сотрудничества (Пояс и путь или МИКТА).

Таким образом, под **трансрегионализмом** можно понимать *процесс интеграции международных функциональных кластеров в результате укрепления глобальных транснациональных, межрегиональных связей и взаимозависимости. А также целенаправленной политики государств и региональных объединений, направленной на обеспечение своих национальных и коллективных интересов посредством институционализации сотрудничества в различных областях и формирования общих политических, экономических и социальных пространств, имеющих потенциал обеспечить международную акторность в качестве интегрированного центра мировой экономики и политики* [15].

Исследователь Юрген Рюлланд выделяет следующие функции трансрегионального взаимодействия: институционализация, рационализация, формулирование повестки дня, формирование идентичности, балансирование сил [16; 17]. Так или иначе, несмотря на то, что эти функции могут быть отнесены и к феномену региональной интеграции, их рассмотрение в случае трансрегиональных связей позволяет раскрыть новые сущности трансрегионального взаимодействия, в результате которого некоторые региональные или даже национальные практики и модели выносятся на трансрегиональный, а фактически и на глобальный уровень. Формируется новая архитектура обмена и объединения ресурсов, трансформируется система глобального управления. В соответствии с концепцией региональных порядков, региональные державы стягивают вокруг себя региональные подсистемы международных отношений, в том числе и в формате региональных объединений. В случае с трансрегиональными отношениями региональные и ведущие державы могут использовать этот формат для преодоления региональных ограничителей роста, а также для продвижения собственной повестки дня (как США, Россия или Китай).

В настоящее время формируются три типа трансрегиональных связей. Первый из них связан с политикой нового регионализма, в рамках которого интеграционные региональные объединения стремятся к формированию большей открытости и реализации общего внешнего курса. Так, активно на международной арене действует Европейский союз, АСЕАН, МЕРКОСУР, ЕАЭС и другие региональные объединения. Такой тип трансрегиональных связей характеризуется взаимодействием регионализмов и носит межрегиональный характер (сотрудничество ЕС–АСЕАН). Второй тип трансрегиональных связей появился в связи с усложнением понятия «державности» в современной мировой политике, появлением новых великих, региональных и срединных держав, чьи интересы и амбиции преодолевают региональные границы. За счет формирования блоков и форумов державы разного уровня формируют мощные трансрегиональные инициативы – например, ИБСА, БРИКС, МИКТА. Третий тип трансрегиональных связей образует еще более сложную структуру взаимосвязей, втягивая в свою орбиту как отдельные государства и их группы, так и региональные интеграционные объединения. Наиболее ярким примером такого типа связей является инициатива «Пояс и путь», выдвинутая Китаем.

Одним из ключевых параметров интеграции является процесс институционализации сотрудничества, заключения международных соглашений. В зависимости от того, насколько масштабны заключаемые соглашения и каков характер новых институтов, интеграция приобретает наднациональную или межправительственную форму. В случае трансрегионального взаимодействия ситуация сложнее, поскольку далеко не всегда новые объединения базируются на международном договоре, а процесс институционализации сотрудничества является фрагментированным.

Так, например, в рамках БРИКС институты стали формироваться не сразу: Новый банк развития или Сетевой университет БРИКС являются скорее результатом долгого согласования интересов уже в ходе работы саммитов БРИКС, отсутствует секретариат (хотя и были попытки сформировать его электронный аналог). То же самое касается инициативы «Пояс и путь», которая не подразумевает жестких соглашений, а основана скорее на сложной системе двусторонних и многосторонних инициатив, «сопряжении» с региональными объединениями (ЕЭАС) и общей философии торгового и инфраструктурного сотрудничества. Однако, бывают и другие примеры: проекты Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства подразумевали, наоборот, подписание жестких международных договоров, охват которых был гораздо шире многих существующих интеграционных форматов и международных режимов.

Как же, таким образом, соотносятся феномены трансрегионализма и глобализации? Сложность трансрегиональной архитектуры мира не дает однозначного ответа на этот вопрос. Подобно тому, как регионализация рассматривается одновременно как, с одной стороны, однонаправленный с глобализацией процесс и, с другой, процесс, противостоящий глобализации, трансрегионализм может иметь различный эффект в зависимости от траектории будущего развития. Трансрегионализм представляется новым этапом глобализации, вместе с тем, он может приводить к формированию относительно обособленных пространств,

предлагающих собственную модель развития. При этом очевидно, что без глобализации трансрегионализм не смог бы приобрести сложных сетевых форм и консолидироваться в качестве отдельного уровня международного взаимодействия. Существует ли существенная связь между региональной интеграцией и трансрегионализмом? Можем ли мы говорить о трансрегиональной интеграции как новом явлении мировой политики? Представляется, что, в условиях развития политики нового регионализма и формирования альтерглобалистских проектов сегодня, справедливо говорить о трансрегиональной интеграции как новой форме международных связей на промежуточном уровне между региональным и глобальным этапах.

Значимой особенностью трансрегиональной интеграцией является ее внутренняя дихотомия на западную и незападную модели. Так, западная модель трансрегионализма (ТПП, ТТИП) подразумевает жесткую институционализацию сотрудничества, в то время как незападные модели (БРИКС, Пояс и путь и др.) опираются на гибкую интеграцию, отсутствие жестких обязывающих норм и институтов, или минимальную степень наднационального регулирования.

Проверка, как классических теорий интеграции, так и концепций нового регионализма не дает однозначного ответа на вопрос, могут ли теоретические наработки использоваться для исследования трансрегионализма. При этом, ряд концепций – например, эффект перетекания (*spillover effect*) и принцип лояльности (в рамках неофункционализма), формирование сообществ безопасности (концепция формирования сообществ безопасности), критерий региональной сплоченности, акторности и глобального присутствия (теория нового регионализма) и т. д. – может быть эффективно применен в дальнейших исследованиях трансрегионализма, что еще раз подтверждает схожий характер этих явлений.

Таким образом, в современном мире масштаб и интенсивность трансрегиональных связей усложняется, при этом потенциал их влияния на мировую политическую систему оказывается неоднозначным. С одной стороны, формирование новых форматов и моделей сотрудничества на огромных пространствах может свидетельствовать как о практическом переосмыслении глобализации, так и о разрыве «глобального». В то же время, трансрегионализм может рассматриваться как новая степень глобализации и влиятельный элемент глобального управления.

Список литературы

1. Лебедева М. М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы / М. М. Лебедева. □ М.: МГИМО-Университет, 2009. – 142 с.
2. Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А. Д. Воскресенского. □ М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 393 с.
3. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т. А. Шаклеина, А. А. Байков, Э. Я. Баталов [и др.]; под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. □ М.: Аспект Пресс, 2013. – 448 с.
4. Rebeiro-Hoffmann A. Inter- and Transregionalism. In The Oxford Handbook of Comparative Regionalism / ed. by Tanja A. Börzel and Thomas Risse. – Oxford University Press. – 2016. – P. 600–621.
5. Hettne B. Beyond the “New” Regionalism // New Political Economy. – 2005. – Vol. 10. – No. 4. – P. 543–571.

6. Современные международные отношения / Под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 688 с.
7. Латинско-русский и русско-латинский словарь / сост. А. В. Подосинов, Г. Г. Козлова, А. А. Глухов, А. М. Белов; 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 744 с.
8. Экономика / Под ред. доц. А. С. Булатова. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 632 с.
9. Roeske W. International Order and Economic Integration. – Reidel Publishing Company, 2007. – 276 p.
10. Haas E. International Integration: The European and the Universal Process // International Organization. – 1961. – Vol. 15. – No. 3. – P. 366–392.
11. Европейская интеграция / под ред. О. В. Буториной. – М.: Деловая литература, 2011. – 720 с.
12. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 256 с.
13. Dabene O. The Politics of Regional Integration in Latin America: the Theoretical and Comparative Implications. – New York: Palgrave Macmillan, 2009. – 259 p.
14. Fawn R. “Regions” and Their Study: Wherefrom, What for and Where to? // Review of International Studies. – 2009. – Vol. 35. – Special Issue 1. – P. 5–34.
15. Кузнецов Д. А. Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации // Сравнительная политика. □ 2016. □ № 7. – С. 14–25.
16. Rüländ J. Balancers. Multilateral Utilities or Regional Identity Builders? International Relations and the Study of Interregionalism // Journal of European Public Policy. – 2010. – No. 17. – P. 1271–1283.
17. Rüländ J. The EU as an Inter- and Transregional Actor: Lessons for Global Governance from Europe’s Relations with Asia. – 2002. – Australian National University. – 9 p. URL: <https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/41658/3/ruland.pdf> (Дата обращения: 15.01.2019).

Kuznetsov D. A. From Regional to Transregional Integration: Theoretical Issue. // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 1. – P. 94–103.

Annotation. Within the framework of International Relations, World Politics and Comprehensive Regional Studies considerable experience has been gained in theoretical understanding of regional integration. However, in the modern world amid rapid development of intraregional and transregional relations, the following question arises: are regional integration and transregionalism phenomena of one nature or of the different one, and, depending on this, how transregionalism should be treated, and can the theory of integration be used for this purpose? The article attempts to answer these questions, and also formulates new theoretical problems, the solution of which is important for further understanding of transregional international relations within the framework of the modern world political system. In particular, the author offers definitions of “regional integration” and “transregionalism” based on a similar understanding of these phenomena, as well as the latest theoretical developments on this issue among the experts. The author discusses several types of transregional relations, correlates the processes of integration and transregionalization as well as analyzes the functions and effects of regional and transregional integration. The purpose of the article is to highlight and expand the expert discussion on the nature of the phenomena, to offer the author's view on the development of transregionalism in today's world.

Keywords: regional integration, transregionalism, globalization, integration theory, international region, world politics.

References

1. Lebedeva M. M. Mirovaya politika v XXI veke: aktory, protsessy, problemy [World Politics of XXI Century: Actors, Processes, Problems]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2009, 142 p.
2. Mirovoye kompleksnoye regionovedeniye [World Comprehensive Regional Studies]. Moscow, Magistr, INFRA-M, 2014, 393 p.
3. Megatrendy. Osnovnyye trayektorii evolyutsii mirovogo poriyadka v XXI veke [Megatrends. Key Tendencies of World Order Evolution in XXI Century]. Moscow, Aspekt Press, 2013, 448 p.

4. Rebeiro-Hoffmann, A. Inter- and Transregionalism. In *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*, ed. by Tanja A. Börzel and Thomas Risse. Oxford University Press, 2016, P. 600–621.
5. Hetne B. Beyond the “New” Regionalism. *New Political Economy*, 2005, Vol. 10, No. 4, P. 543–571.
6. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [Contemporary International Relations]. Moscow, Aspekt Press, 2012, 688 p.
7. *Latinsko-russkiy i russko-latinskiy slovar'* (Latin-Russian and Russian-Latin Dictionary). Moscow, Flinta: Nauka, 2009, 744 p.
8. *Ekonomika* [Economics]. Moscow, Izdatel'stvo BEK, 1995, 632 p.
9. Roepke W. *International Order and Economic Integration*. Reidel Publishing Company, 2007, 276 p.
10. Haas E. *International Integration: The European and the Universal Process*. International Organization, 1961, Vol. 15, No. 3, P. 366–392.
11. *Evropeyskaya integratsiya* [European Integration]. Moscow, Delovaya literatura, 2011, 720 p.
12. *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy Azii* [Comparative Integration. Practice and Models of Integration in Europe and Pacific Asia]. Moscow, Aspekt Press, 2012, 256 p.
13. Dabene O. *The Politics of Regional Integration in Latin America: the Theoretical and Comparative Implications*. New York, Palgrave Macmillan, 2009, 259 p.
14. Fawn R. “Regions” and Their Study: Wherefrom, What for and Where to? *Review of International Studies*, 2009, Vol. 35, Special Issue 1, P. 5–34.
15. Kuznetsov D. A. Fenomen transregionalizma: problemy terminologii i kontseptualizatsii [The Phenomenon of Transregionalism: Problems of Terminology and Conceptualization]. *Comparative Politics Russia*, 2016, № 7, P. 14–25.
16. Rüländ J. Balancers, Multilateral Utilities or Regional Identity Builders? *International Relations and the Study of Interregionalism. Journal of European Public Policy*, 2010, No. 17, P. 1271–1283.
17. Rüländ J. *The EU as an Inter- and Transregional Actor: Lessons for Global Governance from Europe's Relations with Asia*, 2002, Australian National University, 9 p. URL: <https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/41658/3/ruland.pdf> (accessed 15.01.2019).